

Купить книгу ""Что видел, слышал, кого знал" (воспоминания). I. Скобелев и его юность. II. Задачи русского флота"

Александръ Витмеръ.

„Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ“.

(Воспоминанія).

I

Скобелевъ и его юность.

II

Задачи Русскаго флота.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Т-ва п. ф. «Электро-Тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1910.

ЦентрМаг

ЦентрМаг

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
I. Скобелевъ	1
II. Будущія задачи нашего военного флота	91

Готовятся къ печати:

- 1) Воспоминанія о Генералѣ Левицкомъ (одна изъ главъ рассказываетъ о столкновеніи его со Скобелевымъ).
 - 2) 1812 годъ въ «Войнѣ и мирѣ». По поводу IV тома «Война и миръ» Л. Н. Толстого. Второе изданіе.
-

ЦентрМаг

I.

СКОБЕЛЕВЪ.

I.

— Vous êtes du même régiment que Michel Skobeleff ¹⁾, говорилъ, увидя мой мундиръ и знакомясь со мною, французъ Жирандэ, бывший гувернеръ Скобелева.

— Et comment va-t-il? ²⁾.

Я отвѣчалъ, что мы разъѣхались и что я не успѣлъ съ нимъ познакомиться ³⁾.

— Но, скажите, ради Бога, зачѣмъ онъ оставилъ Кавалергардскій полкъ?

— Mais c'est pour se battre, monsieur. Ah! Mais c'est une tête folle. Excellent garçon,

¹⁾ Вы одного полка со Скобелевымъ.

²⁾ Что онъ подѣлываетъ?

³⁾ Скобелевъ перевелся въ Гродненскій гусарскій полкъ, стоявшій въ Варшавѣ, въ то время, когда я выѣхалъ оттуда въ Петербургъ для защиты диссертациі на адъютантъ-профессора академіи генеральнаго штаба.

très intelligent, mais il est fou, positivement fou! ¹⁾).

И сквозь эти рѣзкіе упреки просвѣчивала не только любовь къ своему воспитаннику, а даже какая-то нѣжность добраго француза, такъ что человѣку наблюдательному не трудно было сообразить, что именно любовь заставляла такъ строго относиться воспитателя къ воспитаннику.

Дѣйствительно, оставить Петербургъ, бросить ближайшій къ престолу, самый аристократическій полкъ русской гвардіи, перемѣнить это на Варшаву и на полкъ, хотя гвардейскій, но менѣе блестящій. И для чего? Чтобы подраться вмѣстѣ съ гусарами, успѣвшими потерять въ партизанской войнѣ съ повстанцами 3-хъ офицеровъ убитыми? Какая нелѣпость! Да и повстаніе-то, въ сущности, уже подав-

¹⁾ Чтобы подраться. Это сумасшедшая голова. Прекрасный малый, умный, способный, но это сумасшедшій, положительно сумасшедшій.

лено; остались кое-гдѣ лишь осколки прежнихъ бандъ. И въ дѣло-то, вѣроятно, не попасть ему ¹⁾).

— Il finira mal, je vous dis qu'il finira mal, car il est fou ce garçon ²⁾), повторялъ добродушный Жирардэ.

Въ дѣло, однако, Скобелевъ попалъ. Онъ, какъ мнѣ говорили, кидался во всякій отрядъ, гдѣ была вѣроятность схватки, и столь желанное крещеніе огнемъ получилъ, и худо не кончилъ, вопреки предсказанію превосходнаго Жирардэ.

Но надо было видѣть его, когда, въ послѣдствіи, при встрѣчѣ, онъ объявилъ мнѣ о поѣздкѣ Скобелева въ лагерь карлистовъ—единственное мѣсто въ Европѣ, гдѣ можно было рассчитывать понюхать пороха.

— Il finira mal, vous verrez qu'il finira

¹⁾ Была уже весна 1864 года.

²⁾ Онъ плохо кончитъ, говорю вамъ, что плохо кончитъ, потому что онъ сумасшедшій, этотъ юноша!

mal³⁾), твердилъ по-прежнему симпатичный Жирардэ, и изъ знавшихъ тогда Скобелева врядъ ли многіе были противоположнаго мнѣнія.

Вотъ при какой обстановкѣ въ первый разъ услышалъ я имя молодого Скобелева.

Имя это, признаться, мало меня интересовало. Правда, зналъ я, что онъ внукъ извѣстнаго безногаго героя отечественной войны, автора очень мѣткихъ прибаутокъ, но мало ли дала героевъ отечественная война! Да и яблоко, увы, падаетъ часто, ахъ, какъ далеко отъ яблони!

Я служилъ тогда, въ 1864 году, въ Гродненскомъ гусарскомъ полку и, еще не снимая гусарскаго мундира, только-что началъ читать лекціи военной исторіи въ Академіи Генеральнаго Штаба.

— Ну, что подѣлываютъ въ полку?—
разспрашивалъ я пріѣхавшаго изъ Вар-

1) Ему не сдобровать, попомните мое слово.

шавы товарища. Что дѣлаетъ Скобелевъ? Удалось ли ему встрѣтиться съ повстанцами?

— Да, въ какомъ-то пустомъ дѣпѣ. Вѣдь онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно, когда повстаніе почти уже окончилось. Чудакъ. Отличный малый, лихой, беретъ сумасшедшіе барьеры. Помнишь барьеры въ Уяздовской аллеѣ? Вѣдь они болѣе полутора аршина высоты, съ толстымъ брусомъ наверху. Такъ онъ извоилилъ потѣшать гуляющихъ поляковъ и полекъ прыганьемъ черезъ эти барьеры. Вѣдь барьеры, помнишь, какой прочности? Брусъ-то не поддастся, если лошадь задѣнетъ за него. Ну, и сломить себѣ шею, а въ лучшемъ случаѣ поломаеть ноги коню.

— И часто онъ упражняется въ этомъ?

— Да чуть не каждый день.

— А пока не падалъ еще?

— Пока еще нѣтъ. Слова нѣтъ, барьеры беретъ онъ прекрасно—мастеръ своего дѣ-

ла—ну, да разъ на разъ вѣдь не приходится.

Для правильной оцѣнки Скобелевскаго «сумасшествія» въ кавалерійскомъ дѣлѣ необходимо сдѣлать небольшое отступление.

Въ то время кавалерійскіе офицеры, честно исполняя свой долгъ подъ пулями и лихо атакуя врага даже въ лѣсу ¹⁾, въ мирное время, въ большинствѣ, не отличались любовью къ своему дѣлу, и многіе, даже на коня садились неохотно, предоставляя проѣздку лошадей своимъ вѣстовымъ. Спортъ не былъ развитъ вовсе, и скачка черезъ препятствія производилась на ученьяхъ крайне рѣдко; барьеры подвижные, обмотанные соломой, ставились низко, и большинство лошадей не перепрыгивало ихъ, а «сшибало».

¹⁾ Такъ атаковалъ 4-й эскадронъ Гродненскаго гусарскаго полка при Будѣ Заборовской; одинъ изъ офицеровъ палъ жертвою этой лихой атаки.

Походныя движенія также дѣлались не перемѣнными аллюрами, а исключительно шагомъ, если, конечно, не требовалось настигнуть непріятеля, или подать помощь своимъ.

Правда, нѣкоторые изъ молодежи, чуждые старинныхъ предразсудковъ, прошедшіе академію, или побывавшіе на Кавказѣ, поговаривали, что боевая кавалерія должна прежде всего свободно преодолевать препятствія, что на это надо въ мирное время обратить особенное вниманіе, и что самые переходы слѣдуетъ дѣлать, если кавалерія не стѣснена пѣхотой, не шагомъ, а перемѣнными аллюрами; но старики возражали:

— Вы хотите предъявить къ лошади требованія, какъ если бы спина ея и ноги были на полторы тысячи рублей, тогда какъ ремонтная цѣна—полтора ста.

— Но позвольте, отчего вы думаете, что перемѣнный аллюръ болѣе утомляетъ лошадь, чѣмъ продолжительное движеніе ша-

гомъ? Вчера, на примѣръ, мы сдѣлали 50 верстъ, съ приваломъ на полчаса, въ 12 часовъ времени, а перемѣннымъ аллюромъ то же разстояніе прошли бы въ 6—7 часовъ; слѣдовательно, и спина лошади была бы подъ тяжестью вдвое меньшее время и ноги также, и не голодала бы лошадь цѣлыхъ 12 часовъ, а получила бы кормъ своевременно.

— А работу спины и ногъ на рыси вы не считаете? Нѣтъ ужъ, батюшка, когда будете эскадроннымъ командиромъ, тогда и поступайте по-вашему; я вѣдь эскадронъ-то 8 лѣтъ командую, такъ дѣлу этому успѣлъ научиться.

— Но, позвольте,—не отставалъ новаторъ,—если вамъ такъ жалко спинъ и ногъ, якобы столь сильно утомляющихся отъ движенія рысю—быстрота движенія дастъ вамъ возможность раза два постѣ рыси спѣшить эскадронъ и пройти съ версту, держа лошадей въ поводу. Это облегчить и людей и лошадей.

— Спѣшить, гусарь-то? А знаете, что сказалъ Ланской (или другое громкое кавалерійское имя)? Кто гусаръ спѣшиваетъ, тотъ Бога не боится. Видно, саблю-то да ташку вы забыли ¹⁾).

— Ну что же, ихъ какъ-нибудь пристегнуть можно, — говорилось уже нерѣшительно.

— Такъ вы вотъ измѣните-ка форму прежде... Да ну васъ совсѣмъ.

Тѣмъ разговоръ и кончался.

Понятно поэтому, что спортсменскіе подвиги Скобелева, передъ которыми не останавлилась бы половина современной кавалерійской молодежи, казались тогда безуміемъ.

Такимъ безуміемъ отличались, впрочемъ, всѣ новаторы, всѣ люди смѣлой инициативы.

— Ну, а Скобелевъ что? — опять спраши-

¹⁾ Гусарскую саблю, волочившуюся по землѣ, и ташку, висѣвшую у лѣваго бедра на трехъ длинныхъ ремняхъ и часто попадавшую между ногъ — пристегивать не полагалось, и крючковъ для этого не было.

валь я позднѣе пріѣхавшихъ въ Петербургъ товарищей.

— Нашелъ себѣ друга, такого же сумасшедшаго, какъ онъ—Вейса ¹⁾ и, кажется, поклялся, во имя дружбы, погубить милаго нѣмца. Разныя глупости дѣлають—въ пятнашки, напимѣръ, по лѣсу верхомъ играютъ, а это—шутка крайне опасная. А то недавно пари съ нимъ подержалъ, что Вейсъ, въ походной формѣ, на строевомъ конѣ, безъ всякой подготовки, не переплыветъ черезъ Вислу. Вейсъ—кавказецъ—«переплыву», говоритъ.

— Не переплывешь. Пари.

— Изволь.

Собрались мы всѣ на берегъ Вислы. Вейсъ спокойно спускается съ берега. Сначала лошадь не идетъ; онъ ей—шпоры

¹⁾ Симпатичный, смѣлый, совсѣмъ еще молодой, высокій и тонкій, съ розовымъ, женоподобнымъ лицомъ, остзейскій нѣмецъ, перешедшій къ намъ изъ Нижегородскаго полка, стоявшаго на Кавказѣ.

и, послѣ нѣсколькихъ прыжковъ, оба погрузились въ воду. Плывуть. Признаюсь, у меня сердце замерло. Ты знаешь, вѣдь, какъ быстра мутная Висла. Смотримъ—плыветъ благополучно. Вотъ и середина рѣки.

— Глупое пари, говорятъ многіе и сердитыми глазами слѣдятъ за Вейсомъ.

Скобелевъ слѣдитъ, нервно покусывая свои губы. Однако, самая быстрина уже миновала; не далекъ и противоположный берегъ. Очевидно, Вейсъ выйдетъ побѣдителемъ.

Вдругъ раздался всплескъ воды. Это Скобелевъ не выдержалъ: далъ шпоры коню и, со всего размаха вскочивъ въ Вислу, поплылъ за Вейсомъ.

Вейсъ переплылъ, переплылъ и Скобелевъ. За Вейсомъ честь инициатора. Скобелевъ бросился безъ пари—*con amore*. Скобелевъ, хотя проигралъ пари, но не далъ Вейсу первенства надъ собой. Оба

были приняты, какъ побѣдители и... ку-тежъ грандіозный ¹⁾).

— А вѣдь Скобелевъ-то доканалъ таки Вейса—говорили мнѣ нѣсколько позднѣе.

— Какъ такъ?—сдѣлалъ я большіе глаза.

— Да такъ. Помнишь, въ пятнашки-то верхомъ по лѣсу играли? Сначала сходило благополучно, а тутъ, какъ-то Скобелевъ запятналъ Вейса, тотъ погнался за нимъ, да ногой на всемъ скаку и хватился о дерево. Такъ ногу всю и раздробилъ. Положеніе безнадежное; умереть, говорятъ, несомнѣнно.

¹⁾ Въ исторіи л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка сказано, что Вислу переплыли во время ледохода; то же повторено въ энциклопедіи Леера. Я этого не слыхалъ и, по моему, это—напрасное сгущеніе красокъ. Здѣсь было состязаніе на удалъ и лихость, а совсѣмъ не бравада на здоровье, на рискъ получить ревматизмъ или горячку. Рискъ и такъ былъ слишкомъ великъ и заключался въ томъ, что кони не были подготовлены, а безъ подготовки далеко не всякая лошадь въ состояніи переплыть, имѣя на себѣ всадника, широкую и быструю рѣку. Если я ошибаюсь, если дѣйствительно былъ ледоходъ, прошу оставшихся въ живыхъ гродненцевъ, бывшихъ очевидцами, исправить мою ошибку.

Вейсъ, однако, не умеръ: молодость и здоровая, ничѣмъ не зараженная, кровь побѣдили; но вылежалъ онъ чуть не годъ, и хромота осталась на всю жизнь: разбитая нога оказалась значительно короче другой.

Таковы были первыя свѣдѣнія, которыя получилъ я о Скобелевѣ, еще не зная и не встрѣчая его.

II.

— **А** къ намъ поступаютъ ваши однополчане, говорилъ мнѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ августѣ 1866 года ¹⁾, правитель дѣлъ Академіи Генеральнаго Штаба, Николай Павловичъ Глиноецкій.

— Кто такіе?

— Скобелевъ и М. З.

— Да? Вотъ какъ,—спрашивалъ я съ нѣкоторымъ удивленіемъ, услышавъ имя Скобелева.—Ну, а экзамены какъ держать?

— Ничего. Сносно.

Я вышелъ изъ профессорской и увидѣлъ спускающагося (вижу его, какъ теперь) съ широкой красивой лѣстницы бывшаго зданія академіи (на Англійской набережной) высокаго, стройнаго гусарскаго офицера въ темнозеленой венгеркѣ. Я протянулъ ему руку.

¹⁾ Въ энциклопедіи военныхъ наукъ Леера годъ поступленія въ академію Скобелева указанъ 1867; по-моему это—ошибка.

— Здравствуйте, товарищъ. Очень радъ, что надумали въ академію. Вѣдь вы Скобелевъ, конечно ¹⁾. Я—Витмеръ.

— Знаю, подполковникъ, я узналъ васъ по портретамъ и рассказамъ товарищей; въ полку васъ вспоминаютъ часто, — говорилъ Скобелевъ; почтительно отвѣчая на рукопожатіе.

— Не знаю, какъ экзамены пойдутъ. Удастся ли выдержать.

— Ну вотъ, конечно, выдержите.

Новое рукопожатіе, и мы разстались.

Встрѣчаясь, затѣмъ, въ первый годъ пребыванія Скобелева въ академіи довольно часто, я, какъ товарищу-однополчанину, постоянно протягивалъ ему руку, и меня поражала та почтительность, съ которою онъ отвѣчалъ на рукопожатіе, пока былъ въ академіи, даже приходя ко мнѣ на квартиру. Именно—*«почтительность»*.

Что это? думалось мнѣ. Дисциплина,

¹⁾ М. З. я зналъ по полку

или сдержанность, или тактъ, чтобы товарищи не заподозрили его въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ профессоромъ и въ возможности поблажекъ съ его стороны, или, вѣрнѣе, все это взятое вмѣстѣ?

Прошелъ годъ.

На слѣдующій годъ Скобелевъ, случайно, попалъ ко мнѣ для практическихъ занятій по тактикѣ.

Необходимо сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы пояснить, какъ велись эти занятія. Сдѣлать это, повторяю, необходимо для характеристики будущаго Скобелева.

Первая задача заключалась въ слѣдующемъ.

Офицеру предоставлялся корпусъ войскъ съ кавалеріей, артиллеріей и пр., и давалась задача защитить какой-нибудь пунктъ противъ непріятеля, наступающаго въ извѣстномъ направленіи. Офицеръ долженъ былъ выбрать позицію, вычертить ее въ болѣе крупномъ масштабѣ, располо-

жить войска для принятія боя, расположить войска на бивакѣ, принять мѣры охраненія, написать диспозицію для принятія оборонительнаго боя, указать пути слѣдованія разѣздовъ и вообще сдѣлать всѣ надлежащія распоряженія.

При этомъ, помню по себѣ, всякаго начинающаго приводило въ крайнее недоумѣніе то обстоятельство, что какую бы онъ позицію ни выбралъ—непріятель можетъ обойти его по сосѣдней дорогѣ и, такимъ образомъ, какъ бы ни была хороша выбранная позиція, она не достигнетъ цѣли, не прикроетъ заданнаго пункта. Неразумное же удлинненіе позицій, какъ средство противъ обхода, къ которому мы прибѣгали въ Японскую войну, не только не рекомендовалось въ академіи, но даже преслѣдовалось.

Для рѣшенія этой задачи давался мѣсяцъ времени.

Скобелеву, какъ теперь помню, была дана задача на картѣ Баваріи; онъ дол-

женъ былъ прикрыть Аугсбургъ противъ непріятеля, наступающаго съ сѣвера.

Приходить его чередъ. Обращаюсь къ нему и слышу слѣдующее:

— Я пришелъ къ заключенію, подполковникъ ¹⁾, что прикрыть Аугсбургъ въ этомъ направленіи оборонительнымъ боемъ невозможно. Посмотрите на карту. Гдѣ я ни расположусь, непріятель непременно меня обойдетъ, поэтому я рѣшилъ сосредоточить войска въ такомъ-то пунктѣ и затѣмъ броситься на непріятеля и вступить съ нимъ въ наступательный бой.

— Такъ что вы и позиціи не выбирали и не вычерчивали ее и, вообще, не оставили никакого слѣда вашей работы?

— Да, потому что, что же я буду вычерчивать, когда рѣшаюсь самъ атаковать противника?

¹⁾ По смерти Наслѣдника Николая Александровича, бывшаго шефомъ Гродненскаго гусарскаго полка, я перешелъ въ генеральный штабъ подполковникомъ.

Я имѣлъ полное основаніе за невыполненную работу поставить Скобелеву единицу. Но что-то мнѣ говорило, что, какъ лихой офицеръ, онъ будетъ полезенъ для генеральнаго штаба и для арміи, хотя, конечно, я не предполагалъ и не могъ предполагать, что Скобелевъ сдѣлается тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался, и я отвѣчалъ ему съ улыбкой и, сознаюсь, съ оттѣнкомъ добродушной ироніи:

— Послушайте, поручикъ, если вамъ задана задача принять оборонительный бой, то совершенно естественно предположить, что противникъ, не уступая вамъ въ тактическомъ отношеніи, значительно превосходитъ васъ въ силахъ, поэтому, отдавая должную дань справедливости вашей геройской рѣшимости атаковать сильнѣйшаго врага, я долженъ вамъ сказать, что задача наша не выказывать геройскую рѣшимость, а чисто практическая, крайне скромная, и заключается она въ томъ, чтобы научить васъ выбирать позиціи,

располагать на нихъ войска, выбирать мѣста для биваковъ, на нихъ располагать войска, писать ясно, толково, точно и немногословно диспозиціи и дѣлать всѣ распоряженія соотвѣтственно той обстановкѣ, въ какой вы находитесь. Задача, однимъ словомъ, чисто учебная, и поэтому извольте выбрать позицію—лучшую изъ плохихъ и исполните всѣ предъявленныя къ вамъ требованія для выполненія первой задачи. При чемъ, если угодно, можете пояснить, что, если непріятель будетъ васъ обходить съ той или другой стороны, вы сдѣлаете тѣ или другія распоряженія.

Черезъ двѣ недѣли задача была представлена (я былъ боленъ, и онъ принесъ ее ко мнѣ на квартиру), но пришлось заставить Скобелева передѣлать ее три раза. Всѣ остальные задачи были сдѣланы хорошо, но ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ Скобелевъ не выдавался. Упоминаю объ этомъ случаѣ потому, что онъ ярко рисуетъ, какъ Скобелевъ неохотно укладывалъ себя

въ готовыя рамки, какимъ могучимъ духомъ инициативы онъ проникнуть былъ просто по своей натурѣ: живой, дѣятельной, смѣлой, и какъ это свойство своей натуры онъ выказывалъ даже среди скучныхъ учебныхъ занятій.

Когда я рассказывалъ товарищамъ о способѣ, которымъ Скобелевъ рѣшилъ первую задачу, мнѣ говорили: напрасно вы съ нимъ возились; слѣдовало просто поставить ему единицу—это авантюристъ, способный ѣздить къ карлистамъ, или куда хотите, но путнаго изъ него ничего не выйдетъ. Согласиться съ этимъ я, однако, не могъ: инициатива, инициатива—вотъ что нужнѣе всего для войны, да и для всякаго, пожалуй, дѣла, и человекъ его смѣлости казался мнѣ для арміи въ роли офицера генеральнаго штаба далеко не лишнимъ.

Замѣчу, кстати, что въ мое время въ академіи не было ничего подобнаго тѣмъ ужасамъ схоластики и мелочности, о которыхъ говоритъ генераль Мартыновъ. При-

водимые имъ алгебраическіе выкрутасы, безъ сомнѣнія—данъ вычурности послѣдняго времени, вычурности, отразившейся на всемъ: на живописи, архитектурѣ, литературѣ. Въ мое время, въ академіи памяти не забивали, и молодежь выходила бодрая, здоровая, съ нервами не расшатанными.

Добавлю, что до сихъ поръ не могу придти въ себя отъ тѣхъ выраженій, которыя въ Японскую войну употреблялись военачальниками въ диспозиціяхъ и реляціяхъ. Напримѣръ: опираясь на Сыквантунъ, сдѣлать, какъ на оси, захожденіе лѣвымъ плечомъ (Ляоянъ). Это на протяженіи 15 верстъ сдѣлать захожденіе! Воскресла линейная тактика! Вѣдь это такая схоластика, такая Вейротерщина (Вейротеръ — авторъ нашей несчастной Аустерлицкой диспозиціи), за которую, въ мое время, поставили бы въ академіи единицу. Особенно умилительно это «на оси». Совсѣмъ «поэнтдеву» былыхъ временъ. Оказалось, ось, на которую надлежало «опираться»,

—въ рукахъ непріятеля, ну, разумѣется, и всему дѣлу крышка! И отступай съ честью «въ полномъ порядкѣ», ибо ничего не подѣлаешь, когда самая ось, самый «поэнт-деву» исчезъ.

Или: Зарайскому полку «завтра *продвигнуться* въ Кофынцы» ¹⁾).

Не говоря уже о неумѣстности для главнокомандующаго дробить свою роль до отдачи приказаній полкамъ, при чемъ, естественно, должны пострадать распоряженія по корпусамъ,—что это значитъ «продвинуться», да еще «къ»? Занять ли Кофынцы? Конечно, нѣтъ: только «продвинуться». Но гдѣ остановиться? Какая цѣль продвиганія? Нужно особое искусство, чтобы измыслить такое неопредѣленное выраженіе, на войнѣ совершенно непригодное! «Занять Кофынцы съ такою-то цѣлью, если оно не занято непріателемъ»,—это

¹⁾ Изъ приказаній главнокомандующаго, генерала Куропаткина.

понятно. «Атаковать непріятеля, если Кофынцы уже занято имъ, но силами не превосходными». «Занять Кофынцы во что бы то ни стало, съ цѣлью такихъ-то дальнѣйшихъ дѣйствій». Все это было бы понятно и придадо бы энергію исполнителю приказанія, а «продвинутся къ», безъ указанія даже цѣли—это геркулесовы столбы непригодности распоряженій военачальника, ибо такія выраженія могутъ повести только къ вялости исполненія и къ полной безтолковщинѣ. И бороться съ подобными *новшествами* въ военномъ дѣлѣ, гдѣ неопредѣленность приказаній безъ указанія цѣли ведетъ къ кровавымъ послѣдствіямъ—слѣдуетъ съ неустанной энергіей.

III.

Возвращаюсь къ разсказу.

Прошло полгода.

— А товарища-то вашего, Скобелева, придется исключить, говорили мнѣ въ одну изъ средь ¹⁾ въ профессорской. Совсѣмъ бросилъ ходить на лекціи, а рапорта о болѣзни не присылаетъ, да и гуляетъ по городу. Просто, невозможный шелопай!

И какъ я ни заступался за него—«полноте, отвѣчали мнѣ, онъ просто шелопай и авантюристъ, и никакого проку изъ него не выйдетъ».

По четвергамъ я имѣлъ привычку ходить въ Михайловскій театръ, къ французамъ,

¹⁾ Среда былъ днемъ практическихъ занятій, и поэтому, по средамъ, профессорская отличалась наибольшимъ много людствомъ и оживленіемъ.

и вотъ, на слѣдующій же день, въ четвергъ, заболтавшись съ кѣмъ-то въ одномъ изъ антрактовъ, спускаюсь съ лѣстницы, торопясь, чтобы не опоздать въ зрительный залъ. Фойе и корридоры были уже пусты, и, вдругъ, наталкиваюсь на Скобелева съ двумя сильно подержанными француженками, выкрашенными, какъ тогда было принято между кокотками, въ свѣтлую краску. Скобелевъ поклонился. Мнѣ пришла въ голову внезапная мысль.

— Скобелевъ, мнѣ надо сказать вамъ два слова.

Онъ тотчасъ же бросилъ своихъ дамъ. Онъ вызывающе, съ гримасами, на меня посмотрѣли, удивленные, конечно, тѣмъ, что были брошены по зову совсѣмъ еще молодого человѣка, какимъ я былъ тогда.

— Послушайте, Скобелевъ, вы ведете себя чортъ знаетъ какъ: въ академію не ходите, возитесь съ этими крашеными тварями, да возитесь съ ними, пожалуй, но академіи не запусайте. Я долженъ сказать

вамъ, что вчера былъ разговоръ объ исключеніи васъ изъ академіи, какъ офицера, не желающаго посѣщать лекцій.

— Я рѣшилъ бросить академію, полковникъ, оттого и не хожу на лекціи.

— Какъ бросить? Что же, вы хотите бросить военную службу?

— О нѣтъ, никогда! Для меня жизнь безъ военной службы невысказима.

— Зачѣмъ же вы академію-то бросаете? Вѣдь вы человѣкъ способный. Бросьте вы этихъ господъ. Для чего же вы въ академію поступали? Тогда и поступать не надо было.

Онъ молчалъ.

— Вѣдь это слабохарактерность. Вѣдь, поступая въ академію, вы поставили себѣ цѣлью, конечно, окончить ее. Послушайте, я вѣдь говорю вамъ, какъ товарищъ, однополчанинъ. Я знаю, что офицеры, пока въ академіи, постоянно фрондируютъ, говорятъ, что академія не даетъ необходимыхъ знаній. Начать съ того, что это вздоръ. Академія, конечно, не можетъ сформиро-

вать вполнѣ готоваго офицера генеральнаго штаба, но она даетъ вамъ канву, по которой вы можете вышивать впослѣдствіи, и канва эта имѣетъ огромное значеніе, для того, конечно, кто захочетъ вышивать по ней. Но допустимъ, даже, что академія совсѣмъ не нужна для военнаго чеповѣка, во всякомъ случаѣ, однако, она дастъ вамъ ярлыкъ образованнаго, свѣдующаго офицера. Если вы сто разъ будете подвергать свою жизнь опасности, вы все-таки не достигнете того, что вамъ дастъ академическій значекъ для вашей карьеры.

Вѣдь вы честолюбивы, какъ чортъ. Да, да— не отрицайте, это видно. Зачѣмъ же вы хотите пренебрегать этимъ шансомъ для достиженія крупной военной карьеры? Полноте. Не будьте мальчикомъ. Бросьте этихъ господъ, начните опять работать. Вѣдь всего осталось какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ. Ну, дайте мнѣ слово, что завтра я васъ увижу на лекціи и что вы бросите свою дурь.

Онъ далъ слово и очень горячо отвѣтилъ на мое крѣпкое рукопожатіе.

На слѣдующій день я съ большимъ удовольствіемъ пожалъ еще разъ ему руку уже въ академіи.

IV.

Почти всякаго, кто пишетъ свои воспоминанія, упрекають въ томъ, что личность пишущаго, свое «я» выступаетъ въ запискахъ слишкомъ рельефно.

Конечно, нѣтъ ничего нелѣпѣе, какъ преподносить читателю генеалогію родителей, тетушекъ и бабушекъ, которыми часто пестрятъ воспоминанія. Не менѣе нелѣпо излагать, не обладая талантомъ Толстого, эпизоды дѣтства, портреты нянюшекъ и мамушекъ; но какъ поступить, если хочешь писать о томъ, что видѣлъ своими глазами, слышалъ собственными ушами, если передаешь бесѣду съ интереснымъ человѣкомъ? Передавая разговоръ, устранить себя невозможно, если не хо-

чешь впасть въ сухое, лишенное жизни и интереса, протокольное изложеніе событій. Лучше подвергнуться упрекамъ, чѣмъ наводить на читателя протокольную, безцвѣтную скуку. Лучше, наконецъ, совсѣмъ не писать.

Пишущаго воспоминанія должно мучить еще другое сомнѣніе: какъ бы еще не заподозрили во лжи? Вотъ и въ данномъ случаѣ, въ воспоминаніяхъ о Скобелевѣ, о его юности, вѣрность описаннаго, справедливость словъ своихъ доказать почти невозможно, потому что врядъ ли остался въ живыхъ кто-нибудь, кому бы рассказывалъ я, или Скобелевъ о происшедшемъ. Но, во 1-хъ, я имѣю претензію на то, что всѣ меня знающіе—знаютъ за человѣка безусловно правдиваго, который можетъ ошибаться, но ни лгать, ни хвастать не способенъ; во 2-хъ, смѣю думать, что многіе изъ моихъ бывшихъ учениковъ по академіи генеральнаго штаба удостовѣрятъ то сердечное отношеніе, которое я всегда

проявлялъ къ молодежи. Отношеніе это, впрочемъ, выражалось особенно рельефно въ закулисной для молодежи сферѣ—во время «конференцій», на которыхъ рѣшалась участь юношества ¹⁾). Горячность, съ которою я защищалъ иногда его интересы, послужила даже поводомъ Александру Ильичу Квисту, пользовавшемуся тогда громкою репутаціею умнаго, красно-рѣчиваго и остроумнаго человѣка, окрестить меня титуломъ «Тита Милостиваго». — («Ну, ужъ Вы извѣстный Титъ Милостивый», говаривалъ онъ).

Послѣ этого неинтереснаго объясненія, сдѣлать которое, однако, считаю необходимымъ, обращаюсь снова къ воспомина-ніямъ объ интересной личности Скобелева.

«Посмотрите, полковникъ, говорили мнѣ офицеры, какъ Скобелевъ беретъ барьеры», и я пошелъ въ манежъ.

¹⁾ Удостоверить это можетъ, напримѣръ, искренно мною уважаемый Владиміръ Александровичъ Сухомлиновъ.

Считаю нужнымъ пояснить, что до семидесятихъ годовъ офицеры генеральнаго штаба пользовались репутаціей крайне плохихъ ѣздоковъ.

Репутація эта подавала поводъ къ анекдотамъ, довольно забавнымъ. Такъ, на-примѣръ, начальникъ будто бы отдаетъ приказаніе офицеру генеральнаго штаба передать какъ можно скорѣе извѣстной части войскъ приказаніе. «Какъ можно скорѣе?» спрашиваетъ офицеръ. «Да, да, какъ можно скорѣе, прошу васъ», отвѣчаетъ начальникъ. Тогда офицеръ моментально спрыгиваетъ съ коня и, подбравъ саблю, пользуется той непосредственной скоростью передвиженія, которою наградила человечество Всевышній.

Чтобы сдѣлать офицеровъ порядочными ѣздоками, въ академіи была заведена собственная конюшня, и офицеры ежедневно упражнялись въ ѣздѣ, пользуясь манежемъ Перваго кадетскаго корпуса. Лошади, од-

нако, были старья, и конюшня ремонтировалась изъ кавалерійскаго брака.

Хорошій ѣздокъ и любитель всякаго рода спорта, я частенько заглядывалъ въ манежъ посмoтрѣть на успѣхи молодежи, тѣмъ болѣе, что и начальникъ академіи, Александръ Николаевичъ Леонтьевъ, просилъ меня объ этомъ.

Итакъ, я пришелъ въ манежъ.

Выѣзжаетъ Скобелевъ на високомъ, рыжемъ, бѣлоногомъ конѣ (какъ теперь его вижу), съ крайне плохими передними, даже согнувшимися ногами. Ставятъ барьеръ аршина въ два высоты.

—Послушайте, поручикъ, говорю я, нельзя брать такіе барьеры на безногой лошади. Смотрите, она упадетъ, и вы полетите чрезъ голову.

— Не безпокойтесь, полковникъ. — Съ этими словами онъ подымаетъ лошадь въ галопъ и замѣчательно смѣло, красиво и искусно беретъ барьеръ, послѣ прыжка

весь передавшись назадъ, чтобы облегчить слабыя, переднія ноги коня.

— Браво! невольно вырвалось у меня.

Еще и еще одинъ прыжокъ.

Время не могло изгладить изъ моей памяти еще одной картины.

Я жилъ тогда на Воскресенскомъ проспектъ и въ академію ѣздилъ обыкновенно по Дворцовой набережной.

Вдругъ перегоняетъ меня Скобелевъ на прекрасномъ, породистомъ конѣ. Онъ ѣдетъ крупной, размашистой рысью по-англійски, что тогда еще не было принято въ кавалеріи, и сидитъ такъ красиво, такъ естественно, граціозно приподнимается черезъ темпъ, что я не могъ не залюбоваться, и его стройная фигура до сихъ поръ прочно сидитъ въ моей памяти.

Кстати, меня часто спрашиваютъ: очень ли былъ красивъ Скобелевъ въ юности?

Красота — вещь условная. По-моему — нѣтъ. Это былъ высокій, стройный, плотно сложенный молодець. Настаиваю на словѣ

плотный, отнюдь не худощавый, какъ говорятъ нѣкоторые, а крѣпко сложенный человѣкъ. Черты лица его были правильны, но грубоваты; прекрасный лобъ, но носъ нѣсколько мясистый; глаза свѣтло-сѣрые, пожалуй безцвѣтные, немного выпуклые; при свѣтлыхъ волосахъ цвѣтъ лица сѣроватый; въ лицѣ не было красокъ юности,—ея свѣжести, ея очарованія, отсутствіе которыхъ какъ-то шло въ разрѣзъ съ очевидной молодостью лица, едва покрытаго растительностью.

Спѣшу, впрочемъ, оговориться, что я никогда не видѣлъ Скобелева ни смѣющимся, ни даже улыбающимся, пожалуй даже—веселымъ. А извѣстно, какъ улыбка красить нѣкоторыя лица. Впослѣдствіи, когда Скобелевъ возмужалъ и отпустилъ себѣ великолѣпныя свѣтлыя бакенбарды—онъ удивительно похорошѣлъ. Но въ юности это былъ далеко не тотъ 36-лѣтній красавецъ съ пышной, свѣтлой бородой, увѣнчанный ореоломъ славы, какимъ при-

ѣхалъ онъ послѣ войны. Метаморфозъ, быть можетъ, много содѣйствовалъ и ореолъ героя.

Наступило лѣто, офицеры поѣхали на съемку. Скобелеву, сколько помню, отведенъ былъ участокъ близъ Ораніенбаума.

V.

Осенью, по возвращеніи офицеровъ съ съемки, прошли слухи не въ пользу Скобелева. Говорили, что онъ, вмѣстѣ съ другимъ моимъ однополчаниномъ М. З—мъ,—жили довольно роскошно и имѣли камердинеровъ, сопровождавшихъ ихъ во время работъ по съемкѣ. Слуги эти оказались настолько полезными, что сами сдѣлали съемки вмѣсто господъ своихъ и сдѣлали ихъ прекрасно. Но начальство взглянуло на талантливыхъ камердинеровъ довольно косо, и, удостовѣрясь, что у М. З. въ образѣ прислуги оказался топографъ, отчислило М. З. отъ Академіи.

М. З. былъ очень способнымъ человекомъ, шедшимъ въ Академіи лучше Скобелева; при томъ это былъ человекъ смѣлый, рѣшительный; но, хотя я и пробовалъ говорить о снисхожденіи, было признано, и конечно справедливо, что данный поступокъ несовмѣстимъ съ желательной

репутаціей офицера Генеральнаго Штаба—знамя, которое мы старались держать очень высоко.

Не знаю какъ, но Скобелеву удалось остаться только «въ подозрѣніи».

Про то же лѣто рассказывалъ мнѣ Михаилъ Алексѣевичъ Домонтовичъ ¹⁾, доброжелатель Скобелева, что разъ встрѣчаетъ онъ его быстро несущимся на рысакѣ, въ статскомъ платьѣ и шотландской шапочкѣ.

— Что съ нимъ было дѣлать? говорилъ Домонтовичъ. Слѣдовало бы отправить на недѣлю подъ арестъ. Но какъ оторвать отъ работы? Рѣшилъ позвать къ себѣ, распекъ, какъ только могъ, за шалость и этимъ ограничился.

Наступили экзамены.

Огорченный отчисленіемъ М. З—го (занимающаго нынѣ высокій постъ), я внимательно слѣдилъ за экзаменами Скобелева,

¹⁾ Служившій тогда въ академіи штабъ-офицеромъ, т. е. наблюдающимъ за молодежью, впослѣдствіи членъ Военнаго Совѣта.

опасаясь, что и другой мой однополчанинъ провалится. Экзамены шли такъ себѣ—ни шатко, ни валко—по второму разряду.

Наступилъ экзаменъ военной исторіи и стратегіи. Экзаменаторами были: мой пріятель Аѳанасій Евлампіевичъ Станкевичъ и я. Скобелеву достался Рымникскій бой.

Я никогда не находилъ ничего поучительнаго въ этомъ сраженіи, гдѣ Суворовъ, съ горстью войскъ, разбилъ непріятеля въ десять разъ сильнѣйшаго. Непріятель былъ турки, хотя славные своими былыми побѣдами, но воины безтолковые, чѣмъ и объясняется побѣда дисциплинированной, беззавѣтно преданной вождю, горсти русскихъ.

Скобелевъ началъ. Я отнесся къ отвѣту сначала довольно невнимательно, но вдругъ почувствовалъ, что слышу что-то новое. Невольно поднялъ голову и вижу, что также внимательно слушаетъ сосѣдъ мой. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе увеличивалось мое удивленіе. Скобелевъ съумѣлъ дать

такую живую, красочную картину боя, такъ талантливо передалъ его перипетіи, самъ, очевидно, такъ увлекся своимъ изложеніемъ, такъ захватилъ насъ обоихъ, что сосѣдъ невольно толкнулъ меня и прошепталъ: «это профессорская лекція».

— И профессора талантливаго, замѣтилъ я.

Когда мы вернулись въ профессорскую и выразили наше удивленіе, намъ просто не повѣрили.

— Сколько же вы ставите ему, неужели двѣнадцать? (въ Академіи была двѣнадцатибалльная система).

Я отвѣчалъ къ всеобщему удивленію, что, «если бы можно было—мы поставили бы четырнадцать».

Думаю, это не будетъ увлеченіемъ, если скажу, что, хотя въ Академіи не разъ слышалъ отъ офицеровъ прекрасные отвѣты на экзаменахъ, но такого *талантливаго, увлекательнаго* изложенія положительно не слыхалъ. Видно было, что бой,

самый механизмъ его, его поэзія, близки сердцу молодого воина, будущаго героя.

Скобелевъ кончилъ курсъ Академіи по второму разряду.

Въ экзаменномъ списокѣ, полученномъ мною изъ Академическаго архива, въ графѣ, отвѣчающей фамиліи «Скобелевъ», значатся слѣдующіе баллы:

Тактика 10, 7 ¹⁾).

Стратегія 12.

Военная исторія 12.

Военная администрація 9.

Военная статистика 8.

Геодезія 6,5.

Съемка 8.

Русскій языкъ 11.

Артиллерія 9.

Фортификація 11.

Иностранные языки 12.

Политическая исторія 10.

¹⁾ Дробь получилась потому, что экзамены производились комиссіей, при чемъ каждый членъ комиссіи ставилъ свой баллъ.

Списокъ подписанъ слѣдующими лицами:

Генераль-лейтенантъ Леонтьевъ (начальникъ Академіи).

Генераль-маіоръ Макшеевъ.

Генераль-маіоръ Беренсъ.

Генераль-маіоръ Драгомировъ.

Полковникъ Вилькъ ¹⁾.

Полковникъ Дерожинскій ¹⁾.

Полковникъ Циклинскій ¹⁾.

Полковникъ Домонтовичъ ¹⁾.

Полковникъ Рехневскій.

Полковникъ Лееръ.

Полковникъ Максимовскій.

Полковникъ Штубендорфъ.

Полковникъ Витмеръ.

Подполковникъ Лобко ²⁾.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Га-
лаховъ.

Правитель дѣлъ, полковникъ Глиноецкій.

¹⁾ Штабъ-офицеры, завѣдывавшіе обучающимися офицерами.

²⁾ Впослѣдствіи Членъ Государственнаго Совѣта и Государственный Контролеръ.

Представляетъ несомнѣнный интересъ и «экзаменный списокъ офицеровъ практическаго класса Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба за 1868 годъ». Въ немъ значатся слѣдующіе офицеры, расположенные по старшинству балловъ:

Кончившіе по первому разряду:

Костровъ.

Кантакузенъ.

Шауманъ.

Энкель.

Каульбарсъ.

Аминовъ.

Поль.

Кончившіе по второму разряду:

Николаевъ.

Свѣтлицкій.

Малама.

Таль.

Скобелевъ.

Завадскій.

Дюбюкъ.

Ильинскій.

Штрикъ.
Сосновскій.
Гродековъ.
Гребенщиковъ.
Квитницкій.
Ласкинъ.
Свѣчинъ.
Шпицбергъ.
Циклауровъ.
Мецгеръ.

VI.

По выходѣ изъ Академіи, Скобелевъ не могъ, конечно, ни оставаться въ Петербургѣ, ни ѣхать въ центральныя губерніи. Его тянуло на окраины, манила возможность приключеній, вѣроятность военныхъ дѣйствій: онъ поѣхалъ въ Среднюю Азію и на Кавказъ.

Слухисъ Кавказа были, нечего скрывать—неблагопріятные. Скобелева тамъ не полюбили, и, когда я встрѣтился съ нимъ вскорѣ, у Казанскаго моста, онъ показался мнѣ сконфуженнымъ, особенно, когда я началъ спрашивать про Кавказъ и про службу его на Кавказѣ.

Изъ Средней Азіи сообщали о его приключеніяхъ, о дуэляхъ, о томъ, какъ онъ штурмовалъ Хиву, когда защитники уже

отворили ворота и, наконецъ, о его знаменитой рекогносцировкѣ въ Туркменскую степь—рекогносцировкѣ, полной необычайной отваги, когда онъ, переодѣтый туркменомъ, съ проводникомъ, только какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ и привезъ очень важныя свѣдѣнія относительно колодцевъ и доступности степи по направленію къ Каспійскому морю.

Рекогносцировка эта покрыла все, что было, по слухамъ, не вполне корректнаго въ поведеніи этой кипучей натуры, за время службы Скобелева въ степяхъ Средней Азіи.

Но еще за годъ до Хивинскаго похода, капитаномъ генеральнаго штаба, онъ въ 1872 году пріѣхалъ въ Петербургъ и, сколько помню, прикомандировался къ войскамъ Петербургскаго военного округа. По крайней мѣрѣ онъ, въ 1872 г., участвовалъ къ маневрахъ близъ Тайцъ, въ отрядѣ, которымъ командовалъ свѣтлѣйшій князь Голицынъ. Начальникомъ штаба

этого отряда былъ извѣстный Казиміръ Васильевичъ Левицкій, или просто Казиміръ, какъ его всѣ называли. И вотъ здѣсь, въ Таицахъ произошелъ эпизодъ, въ которомъ мнѣ пришлось сыграть такую роль, что я горжусь ею и смѣло утверждаю, что, если бы не мое посредничество и рѣшительность—Скобелевъ былъ бы солдатомъ. Но столкновение въ Таицахъ между Скобелевымъ и Левицкимъ такъ связано съ личностью послѣдняго, и эта личность представляетъ, въ свою очередь, такой своеобразный интересъ, что я расскажу о сказанномъ эпизодѣ въ моихъ воспоминаніяхъ о «Казиміръ», игравшемъ въ турецкую войну, какъ извѣстно, весьма видную роль. ¹⁾

Года черезъ три, въ концѣ 1875 года, больной, на костыляхъ, въ Амстердамѣ,

¹⁾ Воспоминанія о Казиміръ Васильевичъ Левицкомъ со включеніемъ указаннаго эпизода были напечатаны въ «Русской Старинѣ» и выйдутъ вскорѣ отдѣльнымъ изданіемъ.

прочелъ я о завоеваніи Скобелевымъ Ферганы и о быстромъ ходѣ его карьеры. Очень меня это обрадовало, и я послалъ ему телеграмму.

— Не говорите мнѣ, пожалуйста, о нашемъ Скобелевѣ, отвѣчалъ мнѣ Сергпутовскій, нашъ консулъ въ Амстердамѣ, когда я рисовалъ ему Скобелева, какъ недоужинную личность.

— А что?

— Да знаю я его хорошо. Когда я былъ консуломъ въ Рештѣ ¹⁾, Скобелевъ, еще капитаномъ, пріѣхалъ ко мнѣ. Ну, натурально—восточное гостепріимство: квартира, столъ, погребъ—къ его услугамъ. Самъ я пью мало, а на Востокъ мы дѣлаемъ запасъ вина на цѣлый годъ—для гостей. Такъ онъ у меня одинъ, въ двѣ недѣли, весь годовой запасъ выпилъ.

¹⁾ Въ сѣверной Персіи, близъ порта Энзели.

Помня этотъ разсказъ, я черезъ годъ, или полтора, спросилъ Троцкаго, бывшаго въ это время начальникомъ штаба Туркестанскихъ войскъ и пріѣхавшаго ненадолго въ Петербургъ.

— Ну, а какъ теперь Скобелевъ «на счетъ напитку»?

— Почти не пьетъ, отвѣчалъ Троцкій.

— Неужели? А вотъ что рассказывалъ мнѣ Сержпутовскій, да и другіе говорили.

— Да, было прежде, замѣтилъ Троцкій. Но Скобелевъ—человѣкъ съ характеромъ. Онъ знаетъ, что Константинъ Петровичъ ¹⁾ терпѣть не можетъ пьянства,—ну и бросилъ.

Затѣмъ я видѣлъ Скобелева близко и разговаривалъ съ нимъ одинъ только разъ. Дѣло было такъ.

Зашелъ какъ-то въ Главный Штабъ. Началась турецкая война 1877 года. Вдругъ сталкиваюсь со Скобелевымъ. Въ

¹⁾ Кауфманъ, тогдашній начальникъ Туркестанскаго округа.

мундиръ генерала Свиты Его Величества онъ показался мнѣ похудѣвшимъ. Какъ теперь вижу очень длинный, сшитый не по мѣркѣ воротникъ его свитскаго мундира. Очевидно, воротникъ былъ или высланъ въ Фергану, или заказанъ наскоро по пріѣздѣ изъ Ферганы въ Петербургъ.

Я ужасно обрадовался и горячо пожалъ его руку, поздравляя съ быстрой карьерой (я оставался еще полковникомъ, хотя также довольно быстро подвигался по службѣ и былъ генераломъ на 39 году отъ роду).

Вдругъ вижу человѣка, крайне сконфуженно отвѣчающаго на мои привѣтствія и вопросы.

Когда мы разстались, мнѣ пояснили, что онъ пріѣхалъ въ штабъ прямо изъ дворца, что, оклеветанный княземъ Д. и другими фазанами, прилетавшими изъ Петербурга въ Среднюю Азію за крестами, онъ былъ крайне сурово принятъ Государемъ, что этотъ добрый человѣкъ (Але-

ксандръ II) не только не принялъ какъ героя генерала, котораго самъ же осыпалъ милостями, но кричалъ на него, какъ на послѣдняго челядинца.

И слухъ этотъ вѣроятно былъ справедливъ. По крайней мѣрѣ генералу Свиты Его Величества, кавалеру орд. Св. Георгія 4-й и 3-й степеней, герою Средней Азіи и покорителю Ферганы, успѣвшему уже составить себѣ европейское имя и прилетѣвшему съ далекой окраины, чтобы принять участіе въ серьезной войнѣ, не было дано никакого назначенія, и ему пришлось добиваться скромной роли начальника штаба казачьей бригады, которою командовалъ его отецъ—роли, исполняемой обыкновенно молодыми полковниками и даже подполковниками.

Но духъ инициативы, свойственный Скобелеву и побудившій его добиваться даже такого скромнаго назначенія, быстро выдѣлилъ его изъ среды бездарностей, ру-

тинеровъ и людей, хотя честныхъ, храбрыхъ, но безъ живого почина, безъ энергіи, безъ духа предприимчивости, безъ твердой рѣшимости, побуждающей человѣка беззавѣтно ставить въ извѣстную минуту на карту все, чтобы склонить въ свою пользу суроваго бога войны.

VII.

Скобелевъ вернулся народнымъ героемъ.

Я видѣлъ его такимъ только разъ, на Морской. Онъ быстро проѣхалъ мимо, никого не замѣчая. Я едва успѣлъ приложить руку къ козырьку и, провожая глазами, видѣлъ только его красивую фигуру и великолѣпныя свѣтлыя бакенбарды, развѣвавшіяся по воздуху.

Нельзя было не залюбоваться имъ, и мнѣ неудержимо захотѣлось пожать ему руку, поговорить, послушать его. Поговорить было о чемъ...

Но я подумалъ: съ чѣмъ я явлюсь къ нему? У него столько теперь почитателей, искреннихъ и по расчету, столько льстецовъ, что неужели и мнѣ стать въ ряды ихъ? И какой интересъ для него могу я

представить собою? Вѣдь если я и убѣжденъ, что мнѣ пришлось два раза сыграть видную роль въ его судьбѣ, то прошлое забывается легко, а близки мы никогда не были.

Я уѣхалъ въ Крымъ. Здоровье мое возстановилось, и я рѣшилъ съѣздить изъ Ялты на нѣсколько дней въ глубь степей, на охоту. Пріѣхалъ въ Симферополь 27 іюня 1882 года; разсѣянно взялъ газету, просматриваю телеграммы, и вдругъ: «Скобелевъ скончался отъ разрыва вены».

Такой молодой, блестящій, полный силъ! Ноги мои точно подкосило что-то, и я невольно опустился на стулъ... Но, опомнившись, минутъ черезъ десять, не скрываю, перекрестился широкимъ крестомъ: великое благо для Россіи, мелькнуло въ моей головѣ, что сошелъ со сцены этотъ талантливый честолюбецъ, возводившій войну въ божественный культъ! Задача наша—мирное обновленіе, а онъ непременно втянулъ бы насъ въ войну, и до-

казательство послѣдняго было у меня на лицо. Вотъ оно.

Извѣстна воинственная рѣчь, сказанная Скобелевымъ въ Парижѣ сербскимъ студентамъ (въ 1881 году, приблизительно). Государь (Александръ III), преслѣдовавшій миролюбивую политику, былъ страшно недоволенъ Скобелевымъ за эту рѣчь, вызвалъ пылкаго шовиниста изъ Парижа и, когда доложили о его пріѣздѣ, очень сердито приказалъ позвать пріѣхавшаго въ кабинетъ.

Скобелевъ вошелъ туда крайне сконфуженнымъ и... по прошествіи двухъ часовъ, вышелъ веселымъ и довольнымъ.

Не трудно сообразить, что если суровый Императоръ, не любившій шутить, принялъ Скобелева недружелюбно, то не могъ же онъ распекать его цѣлыхъ два часа. Очевидно, талантливый честолюбецъ успѣлъ заразить миролюбиваго Государя своими взглядами на нашу политику въ отношеніи Германіи и другихъ сосѣдей.

Мнѣ это передавалъ Казиміръ Левицкій, въ качествѣ свитскаго генерала, смѣнившій дежурнаго Свиты, который докладывалъ Государю о Скобелевѣ и видѣлъ его выходящимъ изъ кабинета. Фамилію этого генерала забылъ, но, быть можетъ, онъ живъ еще, или живы тѣ, которымъ онъ рассказывалъ о приѣмѣ Скобелева Императоромъ.

Итакъ, сознаюсь, я перекрестился широкимъ крестомъ, а 22 года спустя, сколько разъ приходилось говорить: Господи, если бы былъ Скобелевъ!

Если бы былъ Скобелевъ, возможенъ ли былъ Тюренченъ, куда Куропаткину не угодно было даже пожаловать, чтобы хотя взглянуть на японцевъ, цѣлыхъ 6 дней употребившихъ на переправу, тогда какъ Скобелевъ, подъ Геокъ-Тепе, бросилъ отрядъ свой для безумно смѣлой рекогносцировки, чтобы только посмотрѣть на незнакомаго врага.

Если бы былъ Скобелевъ, развѣ мыслимъ

былъ Вафангоу, куда также не удостоилъ приѣхать командующій арміей.

А безпрепятственныя высадки японцевъ?

А Ляоянъ? Если бы былъ Скобелевъ, развѣ не была бы уничтожена армія Куроки до послѣдняго человѣка?

А!... Если бы, если бы!

Да, узнавъ о смерти Скобелева, я, горячій патріотъ, желающій не военной славы, а блага своему отечеству—не опечалился за Россію, подумалъ даже—«смерть эта ко благу родины». Но кто же тогда могъ думать о ничтожной, островной странѣ Дальняго Востока и о томъ, что наша политика сумѣетъ къ сонму недоброжелателей и враговъ Запада прибавить и создать могучаго противника на Дальнемъ Востокѣ?

VIII.

По поводу нашихъ несчастій и той роли, какую Скобелевъ могъ бы сыграть въ Японской войнѣ, мнѣ не разъ задавали вопросъ: унесла ли смерть въ Скобелевѣ только блестящаго, молодого героя, или Россія потеряла въ немъ серьезнаго главнокомандующаго, такого человѣка, который вмѣсто позора, далъ бы намъ въ Манчжуріи рядъ блестящихъ побѣдъ?

Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко.

Роль главнокомандующаго такъ трудна, требуетъ такого гармоническаго сочетанія въ одномъ лицѣ совершенно исключительныхъ свойствъ ума и характера, что вся всемірная исторія насчитываетъ не болѣе десяти великихъ полководцевъ: Александръ Македонскій, Аннибалъ, Юлій Цезарь, Густавъ Адольфъ, Фридрихъ Вели-

кій, наконецъ, Наполеонъ—вотъ имена безспорныя; къ нимъ мы, русскіе, прибавляемъ Петра Великаго и Суворова, да нѣмцы, по праву, дополняютъ краткій списокъ именемъ Мольтке. Вотъ и все.

Трудно, конечно, утверждать, чтобы Скобелевъ могъ занять свое мѣсто среди этихъ почетныхъ именъ, и если Академія генеральнаго штаба положила на гробъ безвременно погибшаго героя вѣнокъ съ надписью: «Суворову равному», то, конечно, это надо приписать впечатлѣнію неожиданной смерти и нервности воспріимчивой натуры Драгомирова, бывшаго тогда начальникомъ академіи. Однако, несомнѣнно, въ Скобелевъ были данныя, необходимыя для роли серьезнаго военачальника.

О храбрости и говорить не приходится—этого не занимать стать на землѣ русской, и Куропаткинъ, безъ сомнѣнія, не уступалъ въ этомъ Скобелеву; но, помимо большаго ума, Скобелевъ обладалъ характе-

ромъ рѣшительнымъ, способнымъ принимать самыя смѣлыя, даже черезчуръ смѣлыя рѣшенія, какъ на примѣръ, рекогносцировка подъ Геокъ-Тепе.

Онъ былъ *талантливъ*—въ немъ была *искра Божія*, безъ которой великія дѣла невозможны. Благодаря этой искрѣ, онъ умѣлъ привлекать къ себѣ людей, дѣйствовать обаятельно на массы.

Но и всего этого, при нынѣшнихъ многочисленныхъ арміяхъ и средствахъ пораженія, ведущихъ къ необъятному для одного человѣка удлиненію позицій—недостаточно: необходимо желаніе и умѣнье выбирать себѣ помощниковъ.

Какъ ни странно, но эту простую истину понимаютъ далеко не многіе. Люди мелкіе, обыкновенно, либо боятся даровитыхъ людей изъ опасенія потускнѣть отъ ихъ блеска, либо руководятся желаніемъ сдѣлать угодное тому или другому вліятельному лицу, либо увлекаются лестью и угодливостью, расточаемыми по ихъ адресу, либо

просто не умѣютъ разобратъся въ достоинствахъ и свойствахъ человѣка, принимая, на примѣръ, георгіевскій крестъ, или храбрость солдата—за наличность способностей руководить дѣйствіями корпуса, иногда даже арміи.

Такимъ, къ отчаянію своихъ почитателей, къ числу которыхъ принадлежалъ и я, показалъ себя Куропаткинъ.

Блестящимъ примѣромъ противоположнаго можетъ служить старый Вильгельмъ.

Человѣкъ способностей заурядныхъ, но хорошаго здраваго смысла и пламенный патріотъ, руководимый интересами блага родины, а не тщеславіемъ, не мелкими, ничтожными интересами личнаго «я»,—онъ не побоялся довѣриться такимъ людямъ, какъ Бисмаркъ и Мольтке, не поколебался вручить имъ полную мощь и стушеваться самому въ лучахъ ихъ славы. Зато онъ совершилъ великія дѣла для блага отчизны, какъ онъ его понималъ по крайней мѣрѣ, и исторія отведетъ ему, конечно, самое

почетное мѣсто на своихъ страницахъ.

Какимъ бы показалъ себя въ этомъ смыслѣ Скобелевъ?

Здравый, обширный умъ, прекрасное знаніе военнаго дѣла и военной исторіи, основательному изученію которой онъ посвящалъ послѣ академіи всѣ свои досуги, пониманіе людей, чуткость натуры, вмѣстѣ съ огромной самоувѣренностью, вѣрой въ свои силы, въ свое превосходство—качества, несомнѣнно присущія Скобелеву—все это, взятое вмѣстѣ, позволяетъ думать, что, при выборѣ помощниковъ, онъ руководился бы единственнымъ побужденіемъ—ихъ пригодностью для дѣла, и что выборъ ихъ былъ бы, поэтому, удачнымъ.

Онъ доказалъ это на томъ довѣріи, съ которымъ относился къ дарованіямъ Куропаткина—превосходнаго начальника корпуснаго штаба, интенданта и даже командира корпуса, *входящаго въ составъ арміи*.

Точно также рѣшительность Скобелева, удалившаго умнаго и благороднаго, но

вялаго, безъ малѣйшей искры, Гудиму-Левковича, которому самъ же онъ предложилъ мѣсто начальника штаба Геок-Тепинскаго отряда, но который оказался для него не подходящимъ; рѣшимость, съ какою онъ, несмотря на прекрасныя связи Гудимы-Левковича при Дворѣ, не задумываясь удалилъ его ¹⁾ и замѣнилъ человѣкомъ безъ всякихъ связей, но смѣлымъ и энергичнымъ, наиболѣе пригоднымъ изъ всѣхъ, бывшихъ подъ рукою—(Гродековымъ)—все это, взятое вмѣстѣ, указываетъ на то, что и въ качествѣ главнокомандующаго Скобелевъ сумѣлъ бы разобратъ при выборѣ людей.

И можно съ увѣренностью сказать, что онъ не оставлялъ бы командовать крупными частями лицъ, позорно зарекомендовавшихъ себя съ самаго начала войны, какъ это было въ Манчжуріи, не оставилъ бы

¹⁾ Хотя по опыту Ферганы онъ зналъ, какъ опасно не угодить лицамъ, имѣющимъ придворныя связи.

потому, что войны теперь не часты и не могут быть продолжительны, вслѣдствіе громадности затратъ, сопряженныхъ съ ними. Не только 30-ти, или 7-ми лѣтней, но и 3-хъ-лѣтней войны не выдержать ни одно государство. Современные, рѣдкія и краткосрочныя войны не дають возможности выдвигать людей годами, поэтому талантливый полковникъ, если онъ показалъ себя дѣйствительно талантомъ, долженъ черезъ три-четыре мѣсяца стоять уже во главѣ корпуса, а не подвигаться черепашымъ шагомъ, потому что, видите ли, неловко обидѣть, или выгнать бездарность, или даже труса.

Можно утверждать, что при Скобелевѣ даровитые люди не оставались бы въ тѣни, какъ это было, напримѣръ, съ Самсоновымъ, и не получали бы назначеній, не свойственныхъ ихъ дарованіямъ, подобно генералу Мищенко. Талантъ и твердость этого генерала несомнѣнно дали бы арміи превосходнаго корпуснаго командира, тог-

да какъ ему пришлось фигурировать въ роли начальника кавалеріи, къ которой, надо сознаться, онъ оказался неподготовленнымъ своей прошлой службой и несоотвѣтствующимъ вообще по своему характеру, тогда какъ прекрасный кавалерійскій начальникъ былъ налицо—генераль Ренненкампфъ, или тотъ же даровитый и безупречный Самсоновъ.

Вотъ данныя, говорящія за то, что, если бы въ Манчжуріи, во главѣ нашей арміи стоялъ Скобелевъ, война имѣла бы иной результатъ.

Съ другой стороны, если мы обратимся къ карьерѣ Скобелева, то увидимъ, что она протекала необычайно счастливо не только въ смыслѣ быстрого возвышенія, но и въ отношеніи формированія характера и свойствъ, необходимыхъ *для крупнаго* военнаго дѣятеля.

Весь пылъ молодости, всю страстность кипучей натуры Скобелевъ израсходоваль въ партизанской войнѣ, да въ степяхъ

Средней Азіи. Въ турецкую войну онъ уже является серьезно подготовленнымъ и ведетъ, напримѣръ, бой подъ Ловчей, предварительно склонивъ на свою сторону всѣ шансы успѣха.

Но особенную выдержку, указывающую на самые серьезные задатки крупнаго военачальника, проявилъ онъ въ бою подъ Шейновымъ, за который ему слали столько упрековъ.

Еще большую выдержку проявилъ онъ въ экспедицію на Геокъ-Тепе. Положеніе наше было крайне трудное: престижъ необходимости русскихъ, въ который вѣрила Средняя Азія, былъ подорванъ; противъ насъ были природные воины, не знавшіе соперниковъ въ рукопашномъ бою, воины, заставившіе трепетать передъ собою всѣхъ сосѣдей, и мы видимъ, что Скобелевъ, пылкій, неукротимый Скобелевъ, проявляетъ крайнюю осмотрительность, какъ въ подготовкѣ экспедиціи, такъ и въ нанесеніи послѣдняго рѣшительнаго удара—

штурма. Здѣсь именно было проявлено свойство, отличавшее всѣхъ великихъ полководцевъ,—соединеніе рѣшительности съ осторожностью.
